

Почему один человек не может жить без другого? Лу Синъянь об этом никогда не думал. Всё было просто: он любил Цзян Цзи — и точка. Зачем разбирать, за что и почему? Он закопал это так глубоко, что сам себя обманывал. И никогда не спрашивал себя: а куда всё это приведёт?

Его тянуло к Цзян Цзи просто так — как птицу к югу или рыбу в родную реку.

А что чувствовал Цзян Цзи?

Раньше Лу Синъянь боялся туда лезть. А теперь нечего было прятать. Он уткнулся лбом ему в плечо, вырвел почти всё — и вдруг подумал: может, и хорошо, что Цзян Цзи молчит. Пусть молчит. Лишь бы не прогнал. Пусть всё останется так, как сейчас — хоть до скончания света.

Но ждать вечно не пришлось. Цзян Цзи поднял руку, накрыл его лицо ладонью, большим пальцем стёр слёзы. Ладонь была тёплая, липла к коже — Лу Синъянь вздрогнул, будто вдохнул воздух после долгой задержки дыхания, и сразу вцепился в эту руку:

— Брат...

Ему всегда казалось, что у Цзян Цзи руки холодные — потому что сам он вечно горел, как печка. Каждый раз прикоснуться к нему было всё равно что лбом к прохладной стене приложиться. А сегодня — наоборот: утонул в этом тепле, зажал руку так, словно та могла исчезнуть.

Кости — это кости, мясо — мясо. Звучит, может, грубовато, но у Лу Синъяня и правда не находилось слов. Что есть, то есть: трогаешь — мягко, будто шёлк. Сожмёшь чуть сильнее — и чувствуешь внутри сталь. Сам Цзян Цзи такой: сломать не сломаешь, прибить не прибить. Стоит и держит.

Лу Синъянь вцепился мёртвой хваткой — сам понимал, что выглядит сейчас как жалкий комок. Лишь бы не выгнали — за это он бы спасибо сказал и ещё раз.

Хотя чего уж там — Цзян Цзи и не такое видел. Молчал он не потому, что считал убытки, а потому что в голове всё раскладывал по полочкам.

— Пошли домой, — вдруг сказал он.

Лу Синъянь остолбенел. Уператься не хотелось, но и уходить не хотелось ещё меньше. Цзян Цзи, не церемонясь, перехватил его за руку и потащил обратно.

Та же дорога, только теперь в обратную сторону — и вдруг светлее стало, хоть и ночь вокруг. Лу Синъянь шёл и не понимал, что брат задумал. Минуты через три выдохнул:

— Брат...

— Я подумаю, — отрезал Цзян Цзи. — Сначала домой. Сегодня хоть выспись как человек.

— Я не хочу спать.

— Хочешь — не хочешь, придётся. — Цзян Цзи в своём репертуаре: холодный тон, никаких скидок. — Дай мне пару дней всё обдумать, потом вернёмся к этому.

— ...

У Лу Синъяня сердце где-то под рёбрами запрыгало:

— О чём думать?

В общем-то, он и сам всё понял. Но молчать не мог — лишь бы разговор не кончался. Когда Цзян Цзи замолкает — всё, Синъянь внутри весь на иголках.

Но Цзян Цзи больше не сказал ни слова — довёл его до парковки у ресторана, открыл дверь машины и буквально впихнул Лу Синъяня на заднее сиденье.

— Я что, сам не могу за руль сесть? — буркнул Лу, пытаясь хоть видимость протеста сохранить.

— Ты? В таком виде? — Цзян Цзи даже не фыркнул, только коротко бросил: — Сейчас водителя вызовем.

— ...

Дело было в выходные — у ресторана этих водителей-наёмников как грибов после дождя. Цзян Цзи сунул ключи первому попавшемуся и сам забрался к Синъяню на заднее сиденье.

Третье лицо в машине явно мешало их странному театру, так что всю дорогу до дома оба молчали. Цзян Цзи пару раз задумчиво порылся по карманам — хотелось закурить, но сигарет не нашлось. Впереди, в бардачке, вроде бы что-то валялось, но просить водителя туда лезть? Ну уж нет. Проще смотреть в окно и делать вид, что разглядывает улицы. На деле он рассматривал своё мутное отражение — и бледную тень Лу Синъяня за спиной.

Почему один человек цепляется за другого до последнего? Лу Синъянь об этом никогда не задумывался. А вот Цзян Цзи — да.

Лет в десять родители Цзян Цзи развелись. В тот год Цзян Ваньи, вымотанная и уставшая, закрыла все бумаги, переехала с сыном в новую квартиру, сварила «пир на весь мир» из лапши быстрого приготовления и спросила вечером:

— С этого дня ты со мной. К папе не пойдёшь. Скучать будешь?

Цзян Цзи покачал головой:

— Нет. — А чтобы казаться взрослым, добавил: — А ты?

— И я не буду. — Цзян Ваньи тихо хмыкнула. — Я давно его не люблю.

Маленький Цзян Цзи тогда ни черта не понимал, что это за зверь такой — любовь.

Цзян Ваньи работала без продыху: с утра до ночи, ночные смены, редкий отпуск — по большим праздникам. Стоило вырваться хоть на пару дней — тут же тащила сына куда-то гулять. Цзян Цзи обожал строить из себя маленького серьёзного мужичка и деловито поддерживал с матерью «взрослые разговоры».

Они болтали и про бывшего мужа Линь Кайяна, и про нового ухажёра Лу Юна.

Цзян Ваньи не стеснялась обсуждать с сыном свои сердечные дела. Ей легче было вывалить перед ним всё своё внутреннее барахло, лишь бы он знал, как этот мир устроен.

У Цзян Ваньши было своё, особенное понимание любви. Она любила повторять, что в двадцать с хвостиком у неё был отличный план — чёткий, ясный, разложенный по полочкам. Но потом на горизонте вынырнул Линь Кайян, всё перепутал — и вот она уже беременна, да ещё и по уши влюблена. Итог известен: свадьба «по залёту» и красивый план можно было смыть в унитаз.

После развода она твёрдо решила: второй раз под венец — никогда. Но, конечно же, появился Лу Юн — и снова всё пошло наперекосяк.

— Жизнь такая, — вздыхала Цзян Ваньши. — По плану жить скучно. Вечно по плану — и зачахнешь.

Она тогда уже стала куда легче на подъём. Смотрела на Цзян Цзи и улыбалась:

— Если ты спросишь, что такое любовь... — она замолкала, подбирая слова: — Любовь — это то, что рушит все твои планы. Можно жить по чертежу — но быстро устанешь. Нам всем нужно что-то... как сон, что-то нереальное.

Вот оно — нереальное. Любовь.

Один человек не может отпустить другого — потому что только он умеет выключать в тебе все мозги и планы и швырять прямо в воронку.

Цзян Цзи смотрел на мутный силуэт Лу Синъяня в стекле и за дорогу в голове прокрутил кучу всего. Но стоило выйти из машины — половина мыслей выветрилась к чёрту. Остались только обрывки, неуловимые чувства и решения, которые пока не имели слов.

С водителем распрощались быстро, поднялись домой молча.

К счастью, дома ни Цзян Ваньши, ни Лу Юна не оказалось — оба где-то пропадали, и это было спасением. Иначе пришлось бы объяснять, почему у Лу Синъяня глаза красные, как у кролика, и откуда этот липкий ком молчания между ними, такой тяжёлый, что воздух можно было резать ножом.

В машине Цзян Цзи всё ещё разглядывал отражение Лу Синъяня в стекле — знал, что тот тоже смотрит. Лицо то проступало чётко, то расплывалось, то вдруг заливалось неоновой мишурой с улицы — целое кино.

А Лу Синъянь всё так же шёл за его спиной, поднимался по лестнице, голову опустил — как хвост, который не отцепить.

— Иди в свою комнату и спи, — сказал Цзян Цзи. Тонем, который не терпел возражений.

Лу Синъянь покорно открыл дверь, но перед тем как войти, остановился:

— Мы ведь не расстались?

— ...

В ответ — гробовое молчание. Лу Синъянь сразу понял: сейчас брат откроет рот — и скажет что-то, чего он уже не переживёт. Поэтому замолчал первым. Только проводил взглядом, как Цзян Цзи закрыл за собой дверь, а потом сам зашёл к себе, щёлкнул свет и плюхнулся на кровать.

Честно говоря, он сейчас варился в странном коктейле из редкой ясности и полной дурки. Все

карты давно сданы — ему уже нечем «торговаться». Остаётся только ждать приговора.

Цзян Цзи сказал — подумает. Пару дней покрутит всё это в голове. Но что это значит? Он решает, скинуть его за борт или оставить рядом — насовсем?

Лу Синъянь и сам прекрасно понимал: если они всё-таки останутся вместе, самая жирная проблема вылезет сразу — родители.

Лу Юн и Цзян Ваньи смогут это переварить? Хорошо, если они хоть сам факт примут — но тут же два их сына вдруг решили склеиться в «семейный подряд» — как им это объяснить?

Друзья вроде Сун Чэна только ржут и подначивают: «Братья — и что такого?» Но если про это пронюхают соседи, родственнички — зашепчутся на всю округу. А когда слухи докатятся до родителей — будет полный цирк с конями. Цзян Цзи ведь не железный — вытерпит ли он всё это?

Сам Лу Синъянь пофигист — пусть шепчутся, ему не привыкать. Но брату подставляться под весь этот фарш — гадко.

А что делать? Он хочет быть с ним. И точка.

В итоге Лу Синъянь всё-таки поплёлся в душ, заставил себя держаться братовой установки — «иди спи» — и улёгся, как примерный мальчик.

Когда он лёг и выключил свет, вдруг вспомнил: Цзян Цзи ведь сегодня залил в себя прилично. Утром будет мучиться с похмельем. Лу Синъянь тут же вскочил и пошёл вниз искать тётю-горничную — велел сварить что-нибудь от похмелья.

Вообще-то он сам бы с радостью сготовил эту похмельную похлёбку, но сейчас не тот момент, чтобы лезть с показной заботой и трогать брата своими стараниями. Пусть уж тётя приготовит — так безопаснее.

С готовой миской, где фрукты и мёд сварились в один сладкий эликсир, Лу Синъянь постучался к Цзян Цзи в комнату. Тот, конечно, работал — экран ноутбука светился, рядом с мышкой были разложены какие-то бумаги.

— Я не пристаю, — сразу сказал Лу Синъянь и протянул миску. — Сладкая. Выпей перед сном, а то завтра башку разнесёт.

— ...

Цзян Цзи взял миску, молча поставил на стол. «Понял, спасибо» — и всё. Лу Синъянь даже не дожидался, когда его выгонят — сам понял, что пора уходить. Но видно было: не всё он сегодня выревел — глаза снова налились.

Он всхлипнул, потом сам себя мысленно пнул: молодец, блестяще! С таким лицом и спрашивать не надо, расстались вы или нет.

Лу Синъянь прекрасно знал: Цзян Цзи не из тех, кого пугают сплетни и шёпот за спиной. Но для него важна Цзян Ваньи, важен этот дом. По-честному? Любовь Цзян Цзи к нему не настолько всепоглощающая, чтобы вместе бодаться со всем миром.

Он быстро втянул обратно слёзы, устался в пол и выдал из себя побольше «понимания»:

— Я знаю, тебе непросто, брат.

Цзян Цзи смотрел на него молча, всё так же стоя у стола.

— Я не дурак, каким ты меня считаешь. Я многое могу сделать для тебя. Если что-то понадобится — скажи, ладно? Только не делай всё за моей спиной.

— Угу. — Цзян Цзи коснулся рукой горячей миски. Пар поднимался к ладони — совсем как тогда, когда Лу Синъянь прижимался к его плечу и ревел, будто в последний раз.

А Лу Синъянь всё никак не мог заткнуться — будто слова закончились бы сейчас и не вернулись:

— Знаешь, мне на стримах сейчас много платят. Даже если бы не мой отец, я и сам себя прокормлю... и тебя тоже, если надо. Ещё чуть-чуть — и куплю тебе нормальную тачку, часы подороже...

Он всё ниже склонял голову. Эти слова были для него как публичный брачный танец с распушённым хвостом — стыдно до одури. Тем более он же понимал: Цзян Цзи плевать хотел на деньги.

— Короче... — Лу Синъянь вздохнул поглубже. — Я уже взрослый, брат. Не держи меня за ребёнка.

— Угу, знаю. — кивнул Цзян Цзи и прямо при нём осушил отвар. Губы пахли мёдом — он вдруг наклонился и чмокнул Лу Синъяня в щёку. — Всё. Марш спать.